

4. Национально-культурная идентичность прошлого и исторический источник

А. А. Орлов

Орлов Александр Анатольевич, доцент кафедры зарубежной истории Московского государственного открытого педагогического университета (109240, Россия, г. Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16-18); кандидат исторических наук, доцент.

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕАКЦИИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА НА ТИЛЬЗИТСКИЙ МИР

В статье раскрывается реакция русского общества на подписание русско-французских договоров о мире и дружбе в Тильзите в 1807 г. Автор отмечает, что в условиях отсутствия возможностей открытой политической борьбы, недовольство подписанием договоров с Францией породило такое интересное явление, как распространение в дворянской среде анонимных писем, резко критиковавших политику правительства Александра I, и особенно заключение тильзитских договоров, превративших Россию из врага в союзницу Наполеона. Автор вводит в научный оборот новый исторический документ – «Письмо неизвестного после Тильзитского мира». Идеи, изложенные автором, нашли поддержку у других представителей дворянского сословия, о чем свидетельствуют уже опубликованные копии письма.

Ключевые слова: исторический источник, личное письмо, русско-французские договоры, Тильзит, Александр I, Наполеон.

После окончания кровопролитной кампании 1807 г. российский император Александр I 9/21 июня* вынужден был заключить перемирие с французским императором Наполеоном I. Россия в это время оказалась в очень тяжёлом положении. Военные неудачи, приближение врага к самым границам государства, чего страна не знала со времени борьбы Петра I со шведским королём Карлом XII, до крайности обострили внутренние противоречия, порождённые реформаторской политикой

* Все даты в статье, кроме специально оговорённых случаев, даются по старому стилю или в двойном написании.

молодого монарха и его друзей из числа членов «Негласного комитета» (кн. А.А. Чарторыйского, гр. П.А. Строганова, гр. В.П. Кочубея и Н.Н. Новосильцева). Продолжение войны могло окончиться катастрофой. Поэтому Александр I согласился на подписание мирного договора с Наполеоном в прусском г. Тильзите. Переговоры шли в обстановке секретности. Тревожные слухи, порождённые неизвестностью, вызывали ещё большее смутение в умах людей. Потрясённых совершающимися на их глазах переменами. Ненависть к французам, страх перед всеокрушающим гением Наполеона (Бонапартэ или Бонапартия, как его по привычке называли русские), причудливым образом сочетались с восхищением его удачливостью, военным гением и желанием быстрее покончить дело миром.

Эта смесь настроений психологически точно воссоздана в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Рассказывая о поездке гр. Николая Ростова (босвого офицера, прошедшего кампании 1805 и 1807 гг.) в Тильзит накануне подписания мирного договора, Толстой описывает чувства своего героя, увидевшего в квартире кн. Бориса Друбецкого весёлое застолье с участием русских штабных офицеров и французоз, «из врагов сделавшихся друзьями». «Все ещё продолжали в армии испытывать прежнее смешанное чувство злобы, презрения и страха к Бонапартэ и французам. Ещё недавно Ростов, разговаривая с платовским казачьим офицером, спорил о том, что ежели бы Наполеон был взят в плен, с ним обратились бы не как с государем, а как с преступником. Ещё недавно на дороге, встретившись с французским раненым полковником, Ростов разгорячился, доказывая ему, что не может быть мира между законным государем и преступником-Бонапартэ. Поэтому Ростова странно поразило в квартире Бориса вид французских офицеров в тех самых мундирах, на которые он привык совсем иначе смотреть из фланкёрской цепи. Как только он увидел высунувшегося из двери французского офицера, это чувство войны, враждебности, которое он всегда испытывал при виде неприятеля, вдруг обхватило его» (1).

Военные люди должны подчиняться приказам, даже если эти приказы им не по душе. Но в среде столичного дворянства, голос которого звучал довольно громко уже во времена Екатерины II, возник сильный ропот. Тон в общественном мнении привилегированного сословия явно задавали недовольные политикой Александра I. Дипломат А.П. Бутенев рассказывал о временах своей молодости: «Очень хорошо помню, что столица была опечалена не столько неудачей наших войск, как этим быстрым заключением мира, который считался унижительным для России, тем более что трактат подписан был 27 Июня, в самую годовщину славной победы, которую (так в тексте. – А.О.) ровно 98 лет назад Пётр Великий одержал при Полтаве. Общественное мнение в Рос-

сии сделалось крайне враждебно к Наполеону. <...> Как ни любили Александра Павловича, но он был встречен холодно в Петербурге по возвращении из Тильзита» (2).

В условиях отсутствия легальной оппозиционной прессы и других возможностей открытой политической борьбы это недовольство породило такое интересное явление, как распространение в дворянской среде анонимных писем, резко критиковавших политику правительства Александра I и особенно заключение тильзитских договоров, превративших Россию из врага в союзницу Наполеона. Копия одного из подобных писем, сделанная с оригинала, до настоящего времени, насколько можем судить, неизвестного, сохранилась в фонде «Коллекция Военно-учёного архива (ВУА) "Материалы по истории народов СССР"» Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) (3). Другие копии (с лакунами, значительными разночтениями в тексте и различной датировкой) уже публиковались в дореволюционной исторической периодике (4).

По сообщению видного военного историка, редактора журнала «Русская старина» Н.Ф. Дубровина, «письмо это появилось вскоре после Тильзитского договора, распространялось во множестве экземпляров и ходило от имени разных лиц: сенатора [А.Г.] Теплова*, гр. Маркова**, Н.С. Мордвинова, В.С. Попова*** и даже графа [Ф.В.] Раstopчина (так в тексте. – А.О.). <...> Распространённое во множестве экземпляров, письмо это списывалось и искажалось людьми малограмотными, пропускавшими и изменявшими текст так, что нет возможности отыскать подлинник. В нашем распоряжении пять копий – все видоизменённые и несходящиеся между собою» (5).

Александр I читал письмо и распорядился обратиться на него «должное внимание» с тем, чтобы «...добраться подробно, кто сочинитель подобных бумаг» (6). Но, видимо, найти автора не удалось, или власти предпочли замять дело, чтобы не придавать ему ещё больший резонанс. Как писал Дубровин, «письмо это произвело большое впечат-

* А.Г. Теплов (умер в 1826 г.) – харьковский, потом киевский губернатор, тайный советник, сенатор, сын известного деятеля эпохи правления Екатерины II, действительного статского советника, сенатора Г.Н. Теплова.

** Вероятно, имеется в виду старший из братьев Морковых (Марковых) – гр. А.И. Морков (1747-1827), дипломат, в 1801-1803 гг. посол в Париже, прославившийся своей полемикой с первым консулом Французской республики генералом Наполеоном Бонапартом.

*** В.С. Попов (1745-1822) – кабинет-секретарь Екатерины II, ближайший соратник и личный друг светл. кн. Г.А. Потёмкина, управляющий его походной капеллярией, в 1810-1822 гг. член Государственного совета Российской империи.

ление в обществе. Оно ходило по рукам, о нём рассуждали в гостиных и выражали полное сочувствие автору, мнимому сенатору Теплову. Неудовольствие росло...» (7).

В советский период документ упоминался в научной литературе, хотя с течением времени его оценки кардинально менялись. Н.М. Дружинин во время работы над монографией о государственной деятельности гр. П.Д. Киселёва* обнаружил в одном из ленинградских архивов среди черновых записок и проектов Киселёва «Проект представления» Александру I на французском языке, датированный 25 августа 1808 г. Текст документа, пересказанного в книге, практически идентичен тексту публикуемой нами записки. Дружинин писал: «Автор проекта выступает как убеждённый сторонник монархии и дворянских привилегий: он обращается к императору как дворянин-патриот, страдающий от бедствий своего отечества и исполненный веры в благородные свойства Александра I». На основании этого учёный предполагал, что «... "Проект представления" вышел из-под пера Михаила Орлова**»: некоторые утверждения, заключающиеся в проекте 1808 года, поразительно совпадают с позднейшим уставом "Ордена русских рыцарей", основанного М. Орловым и М.А. Дмитриевым-Мамоновым» (8).

По прошествии девятнадцати лет в многотомной публикации документов российского Министерства иностранных дел анонимное письмо было кратко упомянуто в примечаниях к бумагам, связанным с заключением Тильзитского мира со ссылкой на публикацию Дубровина 1898 г. Характеризовалось оно следующим образом: «... в письме на имя Александра I, которое будто бы принадлежало сенатору Теплову и которое было выдержано в почтительных выражениях, давалась критическая, с точки зрения дворянства, оценка внутреннего и внешнего положения России» (9).

На наш взгляд, текст письма не даёт оснований приписывать его авторство кому-либо из числа будущих декабристов. Невсрно также

* Гр. П.Д. Киселёв (1788-1872) – выдающийся государственный деятель, с 1835 г. член Государственного совета и всех секретных комитетов по крестьянским делам. С 1837 г. министр государственных имуществ. В 1837-1841 гг. провёл реформу управления государственными крестьянами. В 1856-1862 гг. посол в Париже. В молодости был близок к кругу декабристов, друг П.И. Пестеля и кн. С.Г. Волконского.

** М.Ф. Орлов (1788-1842) – генерал-майор, покровитель сосланного в Кишинёв А.С. Пупкина, член «Союза благодетельства» и его руководящего органа – Коренного совета, один из главных деятелей декабристских обществ. После подавления восстания декабристов был арестован, но вскоре прощён (хотя и находился под надзором полиции) Николаем I по ходатайству близкого к императору своего брата А.Ф. Орлова.

замечание о почтительном тоне документа (чего стоит, например, угроза «напомнить обещания, коими Вы польстили отечеству и показать Вам плоды, которые оно от Вас получило»), вызвавшего раздражённый отклик императора. Скорее всего, авторство записки определить уже не удастся. Но её смысл и значение понять можно. Для этого следует сказать о причинах, заставивших Александра I пойти на заключение тильзитских договоров, об их содержании и влиянии на международную политику Петербурга.

Вступая в 1805 г. в войну с наполеоновской Францией Александр I, воспитанный на идеалах века Просвещения, планировал на практике реализовать одну из главных просветительских идей. Он надеялся в будущем, после победы над Наполеоном, навсегда устранить войну как средство разрешения международных проблем из жизни европейских народов. В сотрудничестве с «молодыми друзьями», единомышленниками по «Негласному комитету» император выработал концепцию внешней политики, отвечающую на главные вызовы эпохи (10). В Европе предполагалось создать принципиально новую, основанную на договорных началах систему международных отношений (назовём её системой коллективной безопасности), одинаково выгодную и большим и малым странам.

Внешняя политика императора должна была помочь решить внутренние проблемы его страны. Войны XVIII в. оказались разорительны для бюджета России, и Александр I, будучи ещё наследником престола, об этом знал. Система коллективной безопасности надёжнее любой армии защитила бы границы империи, создав необходимые условия для её экономического рывка в XIX в. В то же время император понимал: без содействия или как минимум благожелательного отношения Великобритании – ведущей европейской державы – это сделать не удастся (11).

Но войны третьей и четвёртой коалиции (главные участники – Великобритания и Россия) с Францией окончились тяжёлыми поражениями. Александр I, оскорблённый, на его взгляд, крайне эгоистичной политикой Лондона, не оказавшего своему союзнику масштабной финансовой и военной поддержки, решил предложить сотрудничество в деле создания системы коллективной безопасности Наполеону. Французский император, покоривший большую часть Европы, казалось, был готов отказаться от дальнейших завоеваний, активно демонстрируя стремление к миру.

Подписание русско-французских договоров о мире и дружбе, а также об оборонительном и наступательном союзе (12) состоялось в Тильзите 25 июня / 7 июля 1807 г. и уже через два дня стороны обменялись ратификационными грамотами. (Тогда же и Пруссия, потерявшая

значительную часть своей территории, подписала мирный договор с Наполеоном (13)). Россия обязывалась действовать сообща с Францией против любой державы, находящейся в состоянии войны с последней. Это неизбежно сталкивало её с Великобританией. Правда, обязательство о ведении военных действий было сформулировано весьма туманно, и в дальнейшем Александр I имел возможность максимально уклоняться от невыгодной для него войны. Более тяжёлыми по последствиям оказались 4-я и 5-я статьи союзного договора, согласно которым Россия брала на себя посредничество в примирении Лондона и Парижа на условиях отмены «морского кодекса»* и возвращения Франции и её союзникам отнятых у них с 1805 г. земель. Английскому королю Георгу III, в свою очередь, обещали вернуть его наследственное германское курфюршество Ганновер (7-я статья). Великобритания должна была принять эти предложения до 1 ноября (н.ст.) 1807 г., в противном случае Россия обязывалась ровно через месяц примкнуть к системе континентальной блокады и пригласить Данию, Швецию и Португалию сделать то же самое под угрозой совместного с Францией нападения на них.

Подписывая тильзитские договоры, Александр I рассчитывал получить поддержку в определённых кругах дворянства и промышленной буржуазии своей страны. Действительно, среди части российского дворянства события 1805-1807 гг. серьёзно пошатнули веру в необходимость союза с Великобританией. «Убсждение в бесплодности союза с Англией, в нерсальности её обещаний союзникам, в "эгоизме" английского правительства проникало как в правительственные сферы, так и в более широкие круги дворянской общественности», - отмечала А.М. Станиславская (14). Промышленники, работавшие в тех сферах экономики, в которых конкуренция с британцами чувствовалась всё острее (например, в хлопчатобумажной отрасли (15), использовавшей привозной американский хлопок), надеялись на развитие собственного произ-

* «Морской кодекс» обеспечивал Великобритании лидирующие позиции в мировой торговле. Одним из его первых правил было «право визита», т.е. такой порядок, при котором во время войны капитан любого британского военного корабля мог силой задержать в море нейтральное торговое судно и увести его в британский порт, если на нём была обнаружена военная контрабанда. Т.к. точного определения «военной контрабанды» не существовало, британцам открывались широкие возможности для различных злоупотреблений. Ещё одним правилом кодекса была «бумажная блокада». Британские власти могли объявить (иногда просто на бумаге) любой порт враждебной страны находящимся в состоянии блокады. В таком случае британские корабли получали право захватывать все суда, пытавшиеся приблизиться к этому порту. - Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798-1807 гг.). М., 1962. С. 156-157.

водства после присоединения к континентальной блокаде (16). Но как обойтись без тех товаров, которые традиционно поставляла на российский рынок Великобритания? Предполагалось, что отечественные производители, привлечённые высокими ценами на дефицитные продукты, начнут снабжать потребителей своими товарами (17). В правящих кругах России, в частности у гр. Н.П. Румянцева*, существовали планы по переориентации внешней торговли страны на Францию и зависимые от неё государства.

Концентрированное выражение таких представлений можно найти в предисловии, написанном российским экономистом Ф.Х. Вирстом к изданному им в 1808 г. сборнику произведений иностранных авторов по правовым и экономическим вопросам. Вирст выражал здесь надежду на то, что тесный и равноправный союз России и Франции может способствовать расцвету Европы, устранив британское засилье на морях. «Россия, будучи главою союза северных государств так, как Франция главою союза южных земель в Европе, могут... полагать пределы чрезмерным требованиям единой морской державы (т.е. Великобритании. – А.О.), весьма усиленно старающейся ради корыстолюбия своего расторгать пользы государств твёрдой земли... Желательно, чтоб надежда сия не была истреблена властолюбием и любочестием. На истинных пользах России и Франции основывается благоденствие большей части просвещённых и непросвещённых государств земного шара», - писал он (18).

Однако значительная часть российского общества была возмущена Тильзитским миром (19). По словам известного впоследствии журналиста и литератора Ф.В. Булгарина, он «...приводил в отчаянье Русских патриотов». «...Наше народное самолюбие было тронуту и... война с Англией не могла возбудить энтузиасма (так в тексте. – А.О.), не представляя ни каких польз и видов, и лишая нас выгод торговли. Вот что породило общий ропот» (20). Н.М. Карамзин в представленной императору в марте 1811 г. «Записке о древней и новой России» отмечал: не следовало принимать никакого другого мира, «...кроме честного, без всякого обязательства расторгнуть выгодные для нас торговые связи с Англией» (21). Возмущённый до глубины души англофил гр. С.Р. Воронцов в частной переписке предлагал сановникам, подписав-

* В сентябре 1807 г., после временного увольнения от должности барона А.Я.Будберга, Румянцев был назначен управляющим министерством иностранных дел, а в феврале 1808 г. – министром (вышел в отставку в августе 1814 г.). С назначением на этот пост он получил звание государственного капитана и сохранил за собой должность министра коммерции (до 1811 г.).

шим тексты тильзитских договоров **, совершить торжественный въезд в Петербург на ослах (22).

Особое неудовольствие вызывали национальное унижение России и обязательство прервать все связи с Великобританией. Александр I, не только не потеряв ни одной из частей своей территории, но даже получив отнятую у Пруссии Белостокскую область, вынужден был согласиться на создание из земель бывшей прусской Польши зависимого от Франции герцогства Варшавского. Наполеон, таким образом, при необходимости мог держать войска непосредственно у границ России. Разрыв отношений с Великобританией серьёзно задевал интересы российских дворян-экспортёров, связанных с британским рынком, промышленников, получавших оттуда сырьё, горожан, привыкших к колониальным продуктам и даже крестьян тех прибалтийских и белорусских провинций, где пользовались британской солью (23).

Тильзитский союз представлял весьма значительную опасность и для Великобритании. Поэтому британское правительство под руководством У.Г. Кавендиша герцога Портленда, не собираясь прекращать войну против Франции, по отношению к её вынужденным союзникам (Пруссии и России) избрало следующую тактику действий: блокирование балтийского побережья для того, чтобы максимально затруднить их морскую торговлю при постоянном подчёркивании стремления восстановить политические отношения, особенно с последней. В Лондоне знали о существовании в России достаточно крупной, но аморфной и не объединённой никакой положительной целью антиильзитской группировки и хотели всеми способами подогреть эти настроения (24).

В такой обстановке на свет появился документ, одна из копий которого ныне хранится в РГВИА с обозначением «Письмо неизвестного после Тильзитского мира». Приводим его полный текст*:

** С российской стороны эти договоры подписали только что получивший пост посла в Вене кн. А.Б. Куракин (в ноябре 1808 г. назначен послом в Париж) и пользовавшийся тогда доверием императора генерал кн. Д.И. Лобанов-Ростовский. Однако филиппика Воронцова задевала не только их, но и Александра I.

Краткое изложение оправдательного письма Куракина к императрице Марии Фёдоровне от 2/14 сентября 1807 г. с указанием на то, что Тильзитский мир был вызван необходимостью и должен отвечать единодушным желаниям всей России, см.: Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы российского Министерства иностранных дел. Серия 1. 1801-1815 гг. Т. 4. М., 1965. С. 64.

* При цитировании источника стиль сохранён, орфография же и пунктуация приведены в соответствие с современными правилами. В некоторых случаях для демонстрации того, как говорили и писали в начале XIX в., сохраняется архаичная форма слов и выражений, например: *Экспедиция, экономия, несчастье,*

«Государь!»

Минута, в которую осмеливаюсь призвать Ваше Императорское Величество обратить всё внимание на пользу Вашего народа. коего Вы Отец есть. может быть последняя для предупреждения ужаснейшего. но неизбежного бедствия, грозящего отечеству, как в лице повелителя его, так равно и последнему подданному.

Уже не время, Государь! предпочитать непредвидение(?), скрывающее от нас предстоящее несчастье, той мудрости, которая ищет их предупредить, не время закрывать завесою будущее и быть довольным тем, что на минуту останавливает свершение нашей судьбы. Обратите взоры Ваши на то, что происходит во внутренности Ваших владений, в Столицах Ваших, даже около собственной Вашей особы. Горестными опытами(?) удостоверитесь, что одна измена может скрывать бездну, зияющую пред Вами, и что только соединённые усилия мудрости, осторожности, любви к отечеству и усердия могут извергнуть(?) Россию из бездны, в которую надменность и невежество, заговоры и всеобщее развращение нравов её повергнули. Наконец обнародован сей мир, бывший столь долгое время тайной для нации (25). Ваш новый Союзник поспешил открыть в публичных листах бедствия, которые он скопил над нашими главами (26). Блистательный вид (вставка в тексте: вск. – А.О.) Славы, в которой рус[c]кис давали законы, хотя уже и протёк, но сыны России, хотя и потерявшие столь лестные надежды, обычные их юным летам, охотно бы пожертвовали последню каплею своєю крови, нежели столь постыдным образом преклонить выю под иго того, который имеет пред нами одно преимущество – то, что умел воспользоваться слабостию, изменою и невежеством.

Никогда не дерзнул бы я быть гласом, открывающим Вашему Величеству сии ужасные истинны (так в тексте. – А.О.), ежели бы не имел вместе с ними предложения и утешения, услаждающие их жестокость. Всеобщее негодование столь ясно выражающий дух нации, открывая опасность, обнаруживает средства и доказывает Вашему Величеству всё, что Вы можете ожидать от великодушного Вашего народа, позволяя ему сопутствовать Вам по блистательным стезям, проложенным знаменитыми предками Вашими.

несчастье, ея (её) и т.д. В квадратные скобки взяты пропущенные буквы и слова, восстановленные по смыслу документа. В круглых скобках даются мои примечания к тексту. Обращение «Государь!» подчёркнуто в тексте документа. При сомнениях в точности прочтения того или иного слова около него в круглых скобках ставится вопросительный знак.

Удостойте, Государь! усердие моё позволением Вашим исполнить священную обязанность говорить Вам с тою откровенностию и беспристрастием, которых Вы имеете право ожидать от Вашего верно-подданного, позволить представить в надлежащем виде положение Государства Вашего. напомнить обещания, коими Вы пол[ь]стили отечеству(?) и показать Вам плоды, которые оно от Вас получило.

При вступлении Вашего Императорского Величества на престол блистательная будущность представлялась глазам моим, торжественное обещание управлять по духу и сердцу Августейшей Вашей бабки (27) обратили на Вас все взоры, наполненные надеждами, и сделали Вас предметом всеобщей любви. И кто мог без восторга взирать на юного Монарха – врага роскоши и суетного тщеславия, начинающего тем, что отдал себя первого под покров Священных Законов, возобновляющего и умножающего древние преимущества Сената, подтверждающего права дворянства, яко первых подпор престола, окружающего себя исполнителями, которые приобрели общее уважение, идущего надёжными шагами с такими опорами по пути, ведущему к истинному величию. Уничтожение Тайной Экспедиции, намерение преобразовать Гражданское Уложение, беспристрастие в выборе правителей Губерний, подтверждение о терпимости вер, строгая скономия во всех излишних издержках (так в тексте. – А.О.), неограниченная щедрость во всём том, что истинно полезно, прибавка жалованья офицерам, раздача призов защитникам отчества, постройка городов, портов и каналов, улучшение (так в тексте. – А.О.) всех человеколюбивых заведений, одобрение наук, торговли, промыслов и искус[с]тв, великодушный покров всем притеснённым, прибегающим к Вашему правосудию, вот, Государь! Права Ваши, коими Вы снискали любовь подданных в первые годы вашего царствования.

При сих то счастливых преднадениях (так в тексте. – А.О.) Ваших Манифест 1802 года, учреждающий министерство (28), которое по существу дел хотя и было разделено на разные департаменты, но соединённое в общий комитет под благотворным влиянием воли Монарха, которая должна была быть душою (так в тексте. – А.О.) правления и средоточием всех властей, таковое министерство не представляло ничего, кроме лести. надеждам народным, особенно и инструкции, гласно обнародованные, изглаживали до малейшего подозрения в непредвидении дел.

Но Вашему Величеству более всех известно, сколь много отдалось сие учреждение от смысла первого с его основания и самый опыт показал, сколь нужна твёрдость в Государственных постановлениях и сколь опасны в таковых случаях неполные меры. принятые нерешимостию и обезображенные недоверчивостию, которые несогласиями, не-

достатком соображений и средств не соответствуют более первому предмету. Ежели Ваше Величество удостоите обратить свой взор с пружин правления на их действие, какая ужасная картина всеобщего расстройства в Государстве представится отеческому Вашему сердцу. Морская язва, приближающаяся к нашим границам и угрожающая распространиться даже во внутренность Государства, возмущение народа в Астрахани, прекращение внешней и внутренней торговли, товары, остановленные в Макарьевской ярмонке (так в тексте. – А.О.), непослушание уральских народов, явное неповиновение работников на железных заводах (так в тексте. – А.О.) в Перми, крестьян немецких, ожидающих лишь первого знака к возмущению, Жиды, притесняемые в гражданском их существовании без всякой основательной причины и побуждаемые внешним влиянием, готовы всё предпринять против правительства, которое с ними одними нарушает правила терпимости вер, в коем оно давало пример другим нациям, Польские крестьяне и их господа, ободренные приличным примером вольности, дарованной смежным их соотечественникам (29), крымские татары, упоённые фанатизмом, готовы сносит[ь]ся(?) с Турками, необыкновенная дороговизна в столицах, голод в пограничных губерниях; недостаток рук и скота, похищенных от земледелия рекрутскими наборами и милицией, и от Севера до Юга во всех губерниях все классы подданных: дворяне, духовные, купцы и земледельцы движимы, истощённые двумя несчастными войсками (так в тексте, надо: войнами. – А.О.); патриотические пожертвования, истраченные без всякой пользы, чрезмерное умножение ассигнаций без нужды, соблазнительная роскошь в строении домов в столицах, поругающая (так в тексте. – А.О.) бедность в губерниях и истаяние государственных доходов, истощённых даже у крестьян не истинными нуждами отечества, но для удовлетворения ненасытной алчности всякого рода грабителей, явно ободряемых систематической терпимостию.

Армия потеряла прежний дух свой, огорчённая жертвою бесполезно пролитой крови, без опытного начальника, к которому бы могли иметь истинное доверие, презирая тех, коих одна личная благосклонность Монарха поддерживала против всеобщего мнения (30); вновь укомплектованная рекрутами, без повиновения, без правил настоящего устройства и, наконец, имея недостаток попеременно в оружии, в военных припасах и провизии.

Милиция, обманутая в справедливой доверенности к торжественным обещаниям Монарха, приданная (так в тексте. – А.О.) единственно на время войны и употреблённая на укомплектование армии как обыкновенные рекруты (31).

Морская сила ещё в жалостнейшем положении, нежели армия, состоящая в одном Синявина (так в тексте. – А.О.) флоте (32) и заслу-

живающая своё наименование одними бесполезными и чрезмерными издержками. Синявин, заслуживший своим достойным поведением общее одобрение народа, уважаем, как воспитанник Мордвинова (33), и притесняем, равно, как и он.

Департамент иностранных дел обнаружился миром, теперь обнародованным: но имея хотя то одно достоинство, что будучи управляем иностранцем (Будбергом), которой (так в тексте. – А.О.) оставил, по крайней мере, отечеству то утешение, что не имя рус[с]кого покрыто будет вечным посрамлением (34).

Духовенство навлекло на себя презрение народное ненавистию и ругательством, которых правительство от него требовало, чтоб оно произносило против врага отечества, и откинутое самим же правительством (35).

Ежели внутреннее положение России возбуждает справедливое опасение, равно и внешние отношения ся не представляют ничего утешительного. Она не имеет более союзников, ибо она их всех обольстила(?) тщеславным надеянием (так в тексте. – А.О.) на свои силы и потом оставила их без всякой защиты.

Государи и народы, Англия, Австрия, Швеция, Пруссия, Короли Неапольский, Сардинский, фамилия Бурбонов, греки, черногорцы, славяне, республика Семи Соединённых островов (36) имеют неоспоримые права нам делать равные укоризны. Между тем война ещё с турками не совсем кончена продолжаться впусе (37), Англия и Швеция угрожают военными беспокойствами, Наполеон же, следуя обыкновенной своей методе, пронырствами своими стараясь привести в рас[с]тройство все части в Государстве, готов всегда напасть на нас с открытою силою, его средства увеличиваются беспрестанно, а мы лишася способов противиться ему, и так отрекшись от прежнего достоинства нашего, потеряв прежних союзников и надежду когда-либо кончить войну победою, предстают нам вечные беспокойства, пожертвования и опасности.

Вот, Государь! ужасное, но верное изображение критического нашего положения; Государство почти достигло(?) до верху возможного нещастия, но средства к поправлению всего ещё в Ваших руках; первейшее преимущество наследия, полученного Вами от предков Ваших, есть быть всегда превыше обстоятельств.

Среди самых величайших бедствий Пётр Великий сделал прочное основание своей славе и благосостояния народного. Государь! будьте столь же велики, как Ваши предки, кормило правления требует героя в настоящих обстоятельствах. Государь! украсьте себя добродетелями, наследственными Вашей фамилии: первейшей из них и наинужнейшей теперь для Вас есть та, в коей Августейшая Ваша бабка подавала Вам непрерывный пример. Она состояла в беспредельной привязанности,

совершенной доверенности к своему народу и предпочтении пред всеми прочими (так в тексте. – А.О.) народами, отделив от себя толпу иностранцев (38). подобных (так в тексте, надо: подобно. – А.О.) хищным вранам в день печали питающихся ранами Государства и собирающихся для пожратия наших трупов (так в тексте. – А.О.). Вы ничего не должны ожидать хорошего [ни от кого, кроме] как от истинно русских, сблизясь (так в тексте. – А.О.) с Вашей нацией; одушевитесь духом ея, будьте сильны ея силою. мужественны ея мужеством, гордитесь ея славою, и признательное потомство может ещё причислить Вас к числу великих Государей наших. Положитесь более всего на дворянство, на столь твёрдую подпору Государства, на сие сословие, которое себе поставило признавать Государя своим покровителем и гордит[ь]ся его доверенностию. В сей то взаимной доверенности Государя к Дворянству и Дворянства к Государю найдёте Вы надёжные способы соединить членов Правления, наполнить их одним духом и стремлением к одному предмету, тогда каждой (так в тексте. – А.О.) гражданин поставит себе святейшую обязанностью и честью всеми силами содействовать* к всеобщему благу, тогда прекратятся все гнусные пронырства (39) и правительство воспримет (так в тексте. – А.О.) ту деятельность, то единство и то счастливое (так в тексте. – А.О.) согласие во всех частях, без коих самые величайшие гении не могут ничего предпринять спасительного к благосостоянию Государства».

Можно с большой степенью вероятности предположить, что автором оригинала письма был представитель «антитильзитского лагеря» из высшего слоя дворянства, хорошо осведомлённый о событиях, происходящих внутри государства и за его границами. Это человек, взгляды которого сформировались в эпоху Екатерины II и не зря он напоминает Александру I его обещание править в соответствии с духом и правилами великой императрицы. Идеалом для него остаётся «просвещённая монархия», а к либеральным начинаниям молодого императора он относится с изрядной долей иронии, то отчитывая его как самовлюблённого и недалёковидного мальчишку, то подбадривая тем, что «признательное потомство может ещё причислить Вас к числу великих Государей наших».

О времени составления письма. Скорее всего, это август – начало сентября 1807 г., т.е. тот момент, когда после объявления императорского манифеста (9 августа) и публикации текста русско-французского договора о мире и дружбе в столичных газетах (23-31 августа) русское общество наконец узнало его основные условия. Автор письма никак не

* Следующая за этим словом часть текста перенесена на поля л. 1.

реагирует на обнародованную 24 октября / 5 ноября 1807 г. декларацию Александра I, в которой Великобритания обвинялась в постоянных нарушениях своих союзнических обязательств (40). Во всяком случае, записка должна была появиться на свет до марта 1809 г. В этом месяце в Швеции произошёл государственный переворот, изменивший внешнею политику страны. Союзник Великобритании король Густав IV Адольф лишился трона, и власть попала в руки дворянской верхушки, заставившей нового короля Карла XIII обратиться за помощью к Франции.

Подводя итог, следует сказать о значении хранящегося в фонде 410 РГВИА источника. Он позволяет лучше представить ситуацию острой идейной борьбы, возникшей в русском обществе после подписания тильзитских договоров с Францией. Тогда по существу речь шла не только о конкретных унижительных обязательствах, взятых на себя Александром I, хотя и это вызывало яростные споры, но и о путях дальнейшего развития России, о продолжении или сворачивании либеральных реформ, начатых в 1801 г. Архивный документ демонстрирует нам принципиальную позицию хорошо образованного человека из высшего слоя русского дворянства, свободомыслящего (вспомним его протест против ущемления религиозных прав евреев), обладавшего литературным талантом и даром убеждения. Его голос не стал «гласом вопиющего в пустыне». Идея, изложенная автором, нашли поддержку у других представителей дворянского сословия, о чём свидетельствуют уже опубликованные копии письма. Всё это говорит о силе дворянского общественного мнения, получившего в период правления Екатерины II такое значительное развитие, что его должен был учитывать (и он умел это делать) её ввук.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 1-2. М., 1953. Т. 2. Ч. 2. Гл. XIX. С. 521.
2. Бутенев А.П. Воспоминания о моём времени // Русский архив. 1881. Кн. 3. № 1. (далее – Воспоминания Бутенева) С. 46.
3. РГВИА. Ф. 410. Оп. 1 (доп.). Д. 125. Л. 1-4. «Письмо неустановленного лица императору Александру I о необходимости изменения внутренней и внешней политики». Черновик.
4. Два подмётные письма перед нашествием Французов на Россию. I. Письмо Сенатора Теплова к Императору Александру I. [Датировано 3 апреля 1812 г.] Сообщ. А.А.Чумиков (далее – Два подмётные письма...) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1873. Кн. 3. Отд. 5. Смесь. С.154-159; Письмо сенатора Теплова к императору Александру Павловичу после Тильзитского мира 1807 г. Сообщ. С.А. Пет-

ровский // Русский архив (далее – РА) 1886. Кн. 2. № 6. С. 165-169; Дубровин Н.[Ф.] Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1898. Т. 96. № 12 (далее – Дубровин Н.[Ф.] Русская жизнь...) С. 509-514. См. также переиздание последнего труда: Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX века / Изд. подгот. П.В.Ильиным. СПб., 2007. С. 71-75.

5. Дубровин Н.[Ф.] Русская жизнь... С. 509. Примеч. 1.

6. Цит. по: Там же. Александр I гр. Н.И. Салтыкову от 13 мая 1812 г.

7. Там же. С. 514.

8. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселёва. Т. 1. М; Л., 1946. С. 257. Об этом «Проекте...» упоминает и В.В. Пугачёв в статье «Отношение в России к Тильзитскому миру» (Учёные записки Молотовского государственного университета им. А.М. Горького. Т. 8. Вып. 2. Молотов [Пермь]. 1953. С. 224).

9. Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы российского Министерства иностранных дел. Серия 1. 1801-1815 гг. (далее – ВПР). Т. 4. М., 1965. С. 572. Примеч. 46.

10. Эта концепция изложена в секретной инструкции Новосильцеву от 11 сентября 1804 г. – Там же. Т. 2. М., 1961. № 50. С. 138-146 (франц. текст); 146-151 (рус. пер.).

11. Об этом подробнее см.: Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005. С. 10-16.

12. Тексты договоров см.: ВПР. Т. 3. М., 1963. С. 637-642, 644-646, № 257, 258 (рус. пер.).

13. Текст франко-прусского договора от 9 июля (н.ст.) 1807 г. см.: Wilson R.[Т.] Brief Remarks on the Character and Composition of the Russian Army, and a Sketch of the Campaigns in Poland in the Years 1806 and 1807 By Sir Robert Wilson, aide-de-camp to the King; Knight of the Military Order of Maria Theresa, &c. &c. &c. L., 1810. Appendix. P. 267-271.

14. Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798-1807 гг.). М., 1962. С. 482-483.

15. Туган-Барановский М.[И.] Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. СПб., 1898. С. 59-66.

16. Предтеченский А.В. К вопросу о влиянии континентальной блокады на состояние торговли и промышленности в России // Известия Академии Наук СССР. 7 серия. Отделение общественных наук. Л., 1931. № 8. С. 894.

17. Фирсов Н.Н. 1812 год в социолого-психологическом освещении (общая характеристика). М., 1913. Выдержки из [архивных] дел. С. 57-58. Прил. № 1. Протокол конференции министра коммерции гр. Н.П. Румянцева, министра военно-сухопутных сил. главнокомандующего в Петербурге С.К. Вязмитинова и министра юстиции кн. П.В. Лопухина от 6 ноября 1807 г. Копия. Высочайше апробована 15 ноября 1807 г.

18. Вирст Ф.Г. (так!) Собрание превосходных сочинений, до законодательства и управления государственного хозяйства, особливо же финансов и коммерции касающихся. СПб., 1808. С. XVII-XVIII.

19. Об этом подробнее см.: Дубровин Н.[Ф.] Русская жизнь... С. 493-513; Пугачёв В.В. Указ. соч. С. 215-224.

20. Булгарин Ф.[В.] Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. Ч. 3. СПб., 1847. С. 327, 333 (далее – Воспоминания Булгарина).

21. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 54.

22. Архив князя Воронцова. Кн. 17. М., 1880. С. 172. № 97. С.Р. Воронцов М.С. Воронцову от 1 октября (н.ст.) 1807 г.

23. О прекращении поставок соли из Великобритании и о влиянии этого на наследие см.: Варадинов Н.[В.] История Министерства Внутренних Дел. СПб., 1858. С. 137, 187, 204, 215-216, 228; Воспоминания об императоре Александре I и императоре Наполеоне I графини Шуазель-Гуф[ф]ье. СПб., [1879]. С. 3-4. О трудностях, переживаемых низами русского общества, лишёнными возможности приобретать качественные английские товары, см.: Воспоминания Булгарина. Ч. 6. СПб., 1849. С. 119.

24. Об этом подробнее см.: Орлов А.А. Указ. соч. С. 127-129.

25. Манифест Александра I о заключении русско-французского договора о мире и дружбе (без 7 секретных статей), помещённый в «Полном собрании законов Российской Империи» ([Собрание II]. Т. 29. СПб., 1830. [далее – ПСЗРИ-I] С. 1232-1237. №22584), датирован 9 августа 1807 г. В столичных официозных газетах он был напечатан 23 августа (Санкт-петербургские ведомости. № 68. С. 841-844) и 31 августа 1807 г. (Московские ведомости. № 70. С. 1407-1412).

26. В июле 1807 г. во Франции был опубликован только текст договора о мире и дружбе без отдельных и секретных статей (см. «Moniteur», 25 juillet 1807). Летом 1807 г. распространялся подложный текст под наименованием «Секретный тильзитский договор», предусматривавший передачу России европейских владений Турции, признание всех будущих завоеваний России в Азии, воцарение

одного из представителей дома Бонапартов на престолах Испании и Португалии, захват Францией с помощью России Гибралтара, ликвидацию светской власти папы и присоединение Папской области к Римом к Итальянскому королевству, оккупацию Францией Мальты, завоевание Францией городов Тунис и Алжир, которые в будущем якобы могли быть переданы в качестве вознаграждения королям Сицилии и Сардинии, захват Францией Египта, ограничение прав малых государств в морской торговле и закрепление права иметь корабли в Средиземном море только за Францией, Россией, Испанией и Италией. Французский историк Ж. Гарден в своей «Всеобщей истории мирных договоров...» (Garden [G.] Histoire générale des traités de paix et autres transactions principales entre toutes les puissances de l'Europe depuis la paix de Westphalie. Ouvrage comprenant les travaux de Koch, Schoell, etc., entièrement refondus et continués jusqu'à ce jour. T. 10. Paris, s. a. P. 238) приводит слова одного французского дипломата, что Александр I якобы занимался в Тильзите секретным договором из десяти статей, совпадающих по содержанию с изложенным выше «договором». Гарден указывает также, что «договор» «был, как говорят, сообщён лондонскому кабинету» (Ibid. P. 239). Всё это даёт основания полагать, что т.н. «Секретный тильзитский договор» был французской фальшивкой, сфабрикованной в целях ухудшения отношений России с Англией, Турцией и другими упомянутыми в ней странами. – ВПР. Т. 3. С. 762-763. Примеч. 424.

Существовали и другие варианты подложных «тильзитских договоров». Так, например, в 1807 г. в Вильно распространились некие «пункты перемирия» на польском языке, в которых говорилось о том, что русские войска отойдут на линию границы, определённую трактатом 1711 г., заключённым Петром I с Османской империей. Также там говорилось о восстановлении польского государства и гарантии границ Турции и Персии. Освобождаемую русскими территорию должны были занять французские войска. – Пугачёв В.В. Указ. соч. С. 216.

Комментируемое предложение почти дословно повторяет фразу из письма к Александру I, приписываемого адмиралу Н.С. Мордвинову: «Ваш новый союзник поспешил разгласить в журналах позор, брошенный на нашу голову». (Цит. по: Там же. С. 220.) Но этот факт не позволяет указать на Мордвинова как на возможного автора оригинала письма, с которого была сделана публикуемая в нашей статье копия.

27. В Манифесте Александра I о восшествии на престол от 12 марта 1801 г., составленном Д.П. Трошинским, говорилось следующее:

«Мы, восприемля наследственно Императорский Всероссийский Престол, восприемлем купно и обязанность управлять Богом нам врученный народ по законам и по сердцу в Бозе почивающей Августейшей Бабки нашей Государыни Императрицы Екатерины Великия, коея память нам и всему Отечеству вечно пребудет любезна, да, по ея премудрым намерениям шествуя, достигнем вознестися на верх славы и доставить ненарушимое блаженство всем верным подданным нашим...» (Цит. по: Воспоминания Бутенева С. 24. Примеч. 12).

28. Реформа центральных органов государственного управления в России стала готовиться со времени вступления Александра I на престол. Членом «Негласного комитета» Новосильцевым был подготовлен проект учреждения министерств, допускающий временное сочетание единоначалия с коллегиальностью. Манифестом от 8 сентября 1802 г. были учреждены должности министров (внутренних дел, юстиции, финансов, коммерции, народного просвещения, военно-сухопутных сил, морских военных сил и иностранных дел). Сохранившиеся до того времени коллегии были расписаны между министрами, при которых для сношения с коллегиями были первоначально учреждены только канцелярии («департаменты»). В одних случаях в состав министерства вошла одна коллегия (Военная, Адмиралтейская, Коммерции), в других – по несколько коллегий. Министры входили в состав Сената и Комитета Министров и имели право личного доклада царю. С июня 1803 г. руководство отдельными отраслями управления в отдельных министерствах полностью сосредотачивается в министерстве (например, внутренних дел). Следующее преобразование министерской системы при Александре I произошло в 1810 г. и связано с именем выдающегося государственного деятеля М.М. Сперанского.

29. Конституция герцогства Варшавского, провозглашенная 22 июля (н.ст.) 1807 г., объявила живущих в нём крестьян лично свободными. На этом основании 21 декабря (н.ст.) 1807 г. был издан декрет, по которому крестьянские земли, постройки и инвентарь оставались собственностью помещика. Помещик получал право согнать крестьян с земли, в то время как последние могли покидать помещика лишь с его разрешения, по исполнении всех повинностей (ВПР. Т. 4. С. 564-565. Примеч. 22).

30. Имеется в виду генерал от кавалерии Л.Л. Беннигсен – один из главных участников заговора против Павла I (отца Александра I) и убийства императора. В начале войны 1806-1807 гг., будучи командиром корпуса, в обстановке растерянности высшего российского военного руководства, самолично принял начальство над всей дей-

ствующей армией в Пруссии. За победу в сражении под Пултуском награждён орденом Св. Георгия 2-го класса. 1 января 1807 г. официально назначен главнокомандующим. Под его командой российские войска выстояли в ожесточённом сражении при Прейсиш-Эйлау (награждён орденом Св. Андрея Первозванного), в целом удачно действовали в сражениях под Гутштадтом и Гейльсбергом, но потерпели поражение под Фридландом. 27 июня 1807 г. уволен «до излечения болезни». (Безотосный В.М. Беннигсен Леонтий Леонтьевич // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. (далее – Отечественная война 1812 года) С. 59-60).

В общественном мнении Беннигсен стал главным виновником неудачного окончания войны. Дубровин цитирует стихи, которые ходили тогда в русском обществе:

Где ты девалась, русска слава,
Гремевшая столь много лет?
Где блеск твой, сильная держава,
Которому дивился свет? <...>
О, Беннигсен! Ты нашу славу
Затмил! – персевернул вверх дном...

Полностью это стихотворение (авторы – поручики Белавин и Бронзе) с названием «Весь-гом» (искажение команды «все кругом») опубликовано в журнале «Русская старина». – Весь-гом. (Сатира на кампанию 1807 года). Сообщ. Л.С. М-ч // Русская старина. 1897. Т. 92, № 12. С. 569-570.

«Беннигсена обвиняли в беспорядках по продовольствию войск, хотя в этом он был совершенно не виноват; обвиняли его в нерешительности действий, излишней осторожности и скрытности; говорили, что он уронил дисциплину в рядах армии, что он человек не русский. <...> В назначении генерала Беннигсена главнокомандующим видели пристрастное и явное предпочтение, оказываемое императором Александром иностранцам противу русских. Он принуждён был оправдываться и объяснять это необходимостью». – Дубровин Н.[Ф.] Русская жизнь... С. 498-499.

31. Земская милиция (первое народное ополчение в России в период наполеоновских войн) была создана по Манифесту от 30 ноября 1806 г. «О составлении и образовании повсеместных ополчений или милиции». После заключения Тильзитского мира Манифестом от 27 сентября 1807 г. она была распущена. При этом Александр I разрешил перевести в рекруты 177 тыс. ратников из 200 тыс., подлежащих возвращению домой. (Тотфалушин В.П. Ополчение // Отечественная война 1812 года. С. 521).

32. Известие о заключении Тильзитского мира застало вице-адмирала Д.Н. Сенявина возле о. Тенедос, где он находился после разгрома турецкого флота у Афонской горы. 12 августа 1807 г. адмирал получил приказ Александра I немедленно прекратить все враждебные действия против турок и возвращаться обратно в Россию. Из-за страшной бури Сенявин вынужден был 1/13 ноября 1807 г. остановиться в Лиссабоне. Вскоре французы заняли город с суши, а англичане блокировали с моря, не позволяя российской эскадре покинуть его. Она оказалась запертой здесь в течение десяти месяцев.

Из Петербурга адмиралу приходили приказания «...учредить все действия и движения вверенной начальству вашему эскадры, чиня неукоснительно точнейшие исполнения по всем предписаниям, какие от его величества императора Наполеона посылаемы вам будут». Сенявин, оказавшийся между двух огней, избрал путь саботирования распоряжений французских властей, объясняя своё бездействие несвоевременным получением приказов из Парижа и Петербурга, слабостью собственных сил, а также опасностью обстрела со стороны английских судов.

После того, как Лиссабон заняли британские войска, между командующим английской эскадрой адмиралом баронетом Ч. Коттоном и Сенявиным была заключена конвенция от 23 августа / 4 сентября 1808 г. Российская эскадра (10 судов, 2 из которых [ветхис] остались в Португалии) передавалась британской стороне в качестве залога. Лиссабонская конвенция была во всех отношениях необычным документом. По её условиям эскадра возвращалась России в случае восстановления отношений с Великобританией, а личный состав получал возможность незамедлительно вернуться на родину на британских транспортах без традиционного в таких случаях обещания не участвовать в войне в течение некоторого времени. Ни в Лондоне, ни в Петербурге не смогли сразу оценить всех выгод подписанного соглашения. Более того, оба адмирала пострадали из-за него: Коттон попал под суд и впоследствии лишился должности, Сенявин «заслужил» немилость Александра I, опасавшегося раздражать Наполеона любыми проявлениями симпатий к Великобритании. Но в действиях адмиралов, безусловно, проявилось желание определённых кругов в России и Великобритании не превращать политический конфликт в кровопролитную войну. Российские моряки смогли вернуться домой только в сентябре 1809 г., но впоследствии британцы в точности выполнили те условия конвенции, которые согласились признать.

Об этом подробнее см.: Тарле Е.В. Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море (1805-1807) // Избранные произведения академика Е.В. Тарле. Т. 4. Ростов-на-Дону. 1994. С. 370-404; Орлов А.А. Пребывание эскадры Д.Н. Сенявина в Англии в 1808-1809 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. [Вып.] 3: Сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. (Труды ГИМ. Вып. 142.) М., 2004. С. 7-26.

33. Н.С. Мордвинов (1754-1845) – деятельный сотрудник Александра I (в первые годы его царствования) и М.М. Сперанского. Англофил, один из наиболее даровитых и энергичных выразителей идей политического либерализма в высших сферах России. Привлекался к обсуждению важнейших государственных вопросов. Выступал за сохранение крупного землевладения, настаивал на личном освобождении крестьян (за выкуп) без земли. В 1802 г. занял пост министра морских военных сил, но через 3 месяца подал в отставку и остался лишь членом «Комитета для улучшения флота». «...Соединение в одном лице либерала на английский лад и русского крепостника доставило М[ордвинову] широкую популярность в обществе». Мордвинов (граф Николай Семёнович) // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 38 (XIXa). Михаила орден – Московский телеграф. СПб., 1896. С. 841.

М.А. Корф, отмечая, что Сперанский называл Мордвинова человеком с умом обширным, но «подавляемым забегами воображения», пишет: «Мордвинов, человек с энциклопедическими сведениями, с блестящим даром слова и искусным пером, пользовался большою популярностью в публике за независимость своих мнений и за бесстрашное энергическое предстательство во всём, что он считал общественною пользою, законностию и неприкосновенностию частных прав, и пр. Впрочем, при некотором знании характера Мордвинова, склонить его на свою сторону было не всегда трудно». (Корф М.[А.], барон. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб., 1861. С. 194-195).

В 1806 г. московское дворянство избрало Мордвинова предводителем московского ополчения, хотя он и не был в то время дворянином Московской губернии. О нём подробнее см.: Иконников В.С. Граф Н.С. Мордвинов. Историческая монография, составленная по печатным и рукописным источникам. СПб., 1873.

34. Об отставке Будберга говорилось выше. На самом деле он был противником заключения союза с Францией, но, конечно, не посмел идти наперекор воле императора. «Причиной отставки... Будберга послужило его отрицательное отношение к русско-французскому союзу... 30 августа (11 сентября) 1807 г. Будберг был временно

уволен от должности «до излечения». Об отстранении его от дел и вероятной замене сообщил П.А.Николаи [С.Р.] Воронцову в письме от 6 октября 1807 г., в котором указывалось, что все крупные внешнеполитические дела ведёт Александр I...» – ВПР. Т. 4. С. 573. Примеч. 46.

В книге американского историка Патриции Гримстед «Министры иностранных дел Александра I» проводится мысль о том, что, хотя почти все российские министры иностранных дел первой четверти XIX в. были выразителями и проводниками определённой концепции роли России на европейской арене, идейный импульс, определявший главную линию развития российской дипломатии, как и непосредственное руководство ею, всегда исходили от императора. (Grimsted P.K. The Foreign Ministers of Alexander I: Political Attitudes and the Conduct of Russian Diplomacy, 1801-1825. Berkeley; Los Angeles, 1969).

35. «Первая реакция Русской Православной Церкви на борьбу с наполеоновской Францией состоялась в декабре 1806 г. в виде обращения к народу. Это произошло по указанию Александра I в связи с созывом ополчения. <...>

...В "Объявлении" Святейшего Синода, которое вышло вслед за указом императора и оглашалось во всех приходских храмах "в первый воскресный и праздничный дни" (после получения документа) она представлялась как война с поработителем человечества, с "неистовым врагом мира и благословенной тишины", который "самовластно присвоил себе царственный венец Франции и силою оружия, а более коварством распространил власть свою на многие соседние с нею государства", опустошил мечом и пламенем их города и сёла и теперь "...дерзает... угрожать России вторжением в её пределы, разрушением благоустройства... и потрясением православных Грекороссийских Церквей". <...> Главное обвинение в адрес Наполеона заключалось в том, что он отступил от Бога и теперь является гонителем Христианской Церкви. <...>

После заключения Тильзитского мира (1807 г.) во всех церквях империи были отслужены благодарственные молебны по случаю прекращения военных действий. Резких высказываний против Наполеона Церковь в это время в своих обращениях к народу не делала». (Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской Империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2006. С. 59, 64).

36. Первое в новой истории греческое независимое государство, расположенное на островах Ионического архипелага (главный из них – о. Корфу [совр. Керкира]). Республика была создана в соответствии с русско-турецкой конвенцией 1800 г., после освобожде-

ния эскадрой адмирала Ф.Ф. Ушакова островов от французской оккупации. По условиям заключённого в Тильзите отдельного соглашения от 27 июня / 9 июля 1807 г. острова передавались Франции. (ВПР. Т. 3. С. 648-649, № 259 (рус. пер.)). Однако британцы постепенно занимали один остров за другим. К 1810 г. они овладели большинством островов и с ноября 1810 г. держали в блокаде Корфу. Завоевание было полностью завершено в 1814 г.

37. Имеется в виду русско-турецкая война 1806-1812 гг.

38. Александр I объяснил свою позицию по поводу приглашения иностранцев на службу в государственный аппарат Российской империи в разговоре с преемником Мордвинова на посту министра морских военных сил адмиралом П.В. Чичаговым 9 марта 1806 г. Он сказал: «Могу ли я помочь тому, что образование у нас ещё так отстало, и – до тех пор, покуда не сознают нужды, чтоб родители поболее о нём заботились – если бы я не прибегал к содействию известных иностранцев, дарования которых испытаны, число способных людей, и без того малое, ещё уменьшилось бы значительно. Что сделал бы Пётр I, если бы не пользовался службою иностранцев? Чувствую, что в то же время в этом есть зло; но это зло меньшее из двух, ибо можем ли мы отсрочивать события тех времён, в которые наши земляки будут находиться на высоте всех тех должностей, которые они должны занимать? Всё это я сказал вам для того только, чтобы доказать, что *в данную минуту нельзя взять за правило не употреблять на службу иностранцев* (курсив в тексте. – А.О.)». Цит. по: Дубровин Н.[Ф.] Русская жизнь... С. 499.

39. Намёк на деятельность М.М. Сперанского, каковой звучит и в иронических словах о «самых величайших гениях», не могущих «...ничего предпринять спасительного к благосостоянию Государства». О неприятии автором оригинала письма реформ Сперанского говорилось уже в примечании к первой публикации данного документа. Он был пущен «...в обращение тою дворянскою стороною, которая желала погубить Государственного Секретаря Сперанского» и это обстоятельство придаёт ему «...характер несомненного исторического документа». (Два подмётных письма... // С. 154. Примеч.)

40. Этим числом декларация датирована в ПСЗРИ-I (Т. 29. СПб., 1830. С. 1306-1308. № 22653). В ВПР она датирована 26 октября / 7 ноября 1807 г. по архивному экземпляру на французском языке (Т. 4. С. 98-101. № 37).

Alexander A. Orlov

Orlov Alexander, associate professor of Department of international history of Moscow State Open Pedagogical University (109240, Russia. Moscow. Verkhnyaya Radishchevskaya street. str. 16-18); PhD, associate professor. Телефон/Phone: +7 (495) 647-44-77.

DOCUMENTARY EVIDENCE ABOUT THE REACTION OF RUSSIAN SOCIETY TO TILSIT PEACE TREATY

The article reveals the reaction of Russian society to the signing of the Russian-French treaties of peace and friendship in Tilsit in 1807. The author notes that in the absence of opportunities open political struggle, dissatisfaction with the signing of treaties with France has created such an interesting phenomenon, as dissemination among the nobility anonymous letters, has sharply criticized the policy of the government of Alexander I, and in particular the conclusion of treaties of Tilsit, which transformed Russia from an enemy into an ally of Napoleon. The author introduces into scientific circulation the new historical document – «The Letter of the unknown after the Treaty of Tilsit». The ideas presented by the author, were supported by other representatives of the nobility, as evidenced by the already published copies of the letter.

Key words: historical source, a personal letter, the Russian-French treaties, Tilsit, Alexander I, Napoleon.